

Журнал русской культуры

Выходит с марта 1957 г.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Союз писателей России

Российский Фонд Мира

Трудовой коллектив

журнала «Москва»

11

2014

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Юрий ПОЛЯКОВ. Как я был поэтом. <i>Повесть</i>	3
Вячеслав КИКТЕНКО. Золотая середина. <i>Стихи</i>	36
Юрий КОЗЛОВ. Враждебный портной. <i>Роман (окончание)</i>	40
Евгений ЛУКИН. Выдохи и всхлипы. <i>Стихи</i>	134
Святослав ТАРАХОВСКИЙ. Две весны. <i>Рассказы</i>	139

ПУБЛИЦИСТИКА

Наталья ЛАКТИОНОВА. Какова система координат?	154
Константин ЗАЛЕССКИЙ. Потери русской армии в Первой мировой войне	160
Рамиль РАХИМОВ. Западные мифы о народах России	170

КУЛЬТУРА

Александр ХАБАРОВ. О Всероссийском социал-христианском союзе освобождения народа	181
«Круглый стол» журнала «Москва» «Что такое успех?»	189
Станислав МИНАКОВ. Как я смотрел кино на «Золотом витязе»	200
Наталья и Лев АНИСОВЫ. Исторические миниатюры о русских художниках	207
Игорь РОМАНОВ, Владислава ФИЛЯНОВА. Лемнос. «Русские дни»	218
<i>Антология одного стихотворения. Толстой Алексей Константинович</i>	222

МОСКОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

Александр ВАСЬКИН. **Алексей Щусев: зодчий всея Руси.**

Избранные главы 227

ДОМАШНЯЯ ЦЕРКОВЬ

Священник Димитрий ШИШКИН. **Сим победиши!** 232
 Архимандрит РАФАИЛ (КАРЕЛИН). **О грехе блуда** 236

Главный редактор В.В. АРТЕМОВ (495) 691-71-10

Генеральный директор В.В. КОВАЛЕВ (495) 691-83-91

Ответственный секретарь О.И. КИРЕЕНКО (495) 691-83-64

Отдел прозы и поэзии Т.А. НЕРЕТИНА (495) 691-68-01

Отдел культуры О.Ю. ТАРАНЕНКО (495) 691-68-01

Домашняя церковь С.И. НОСЕНКО (495) 691-68-01

Главный бухгалтер Л.Э. БУДНИКОВА (495) 691-83-84

Заведующая редакцией М.В. БИКАШОВА (495) 691-71-10

Корректор О.И. ИВАНОВА

Технический редактор Е.Ю. ЕРОФЕЕВА

Общественный совет:

игумен ЕВФИМИЙ (МОИСЕЕВ), П.Н. КРАСНОВ, В.Н. КРУПИН, В.А. КУЛЬЧИЦКИЙ,
 П.В. МУЛЬТАТУЛИ, И.И. ПЕРЕВЕРЗИН, В.Г. РАСПУТИН, А.С. САЛУЦКИЙ,
 М.Б. СМОЛИН (председатель), архимандрит ТИХОН (ШЕВКУНОВ),
 И.Р. ШАФАРЕВИЧ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Отклоненные рукописи сохраняются в течение года. Рукописи, присланные по электронной почте, не рассматриваются. Материалы принимаются только в распечатанном виде по адресу редакции. Журнал не публикует поэмы, либретто и сценарии.

Подписано в печать 27.10.14. Формат 70x108 1/16. Бумага типографская № 2. Печать офсетная.
 Тираж 3000 экз. Заказ 5870.

Свидетельство о регистрации № 554 от 29 декабря 1990 года Министерства печати Российской Федерации

Подписные индексы: **73253** — каталог РОСПЕЧАТЬ, **15612** — «Пресса России», **45211** — каталог «МАП».

Адрес редакции: 119002, Москва, ул. Арбат, д. 20. Телефон +7(495) 691-71-10. Факс +7(495) 691-07-32.

Электронная версия журнала: www.moskvam.ru

e-mail: priem@moskvam.ru

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография» Филиал «Чеховский Печатный Двор», 142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1. Сайт: www.chpd.ru; e-mail: sales@chpk.ru, 8(495) 988-63-87.

ISSN 0131-2332

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

© Журнал «Москва» № 11, 2014

ЮРИЙ ПОЛЯКОВ

КАК Я БЫЛ ПОЭТОМ

Юрий Михайлович Поляков — прозаик, публицист, драматург, поэт — родился в 1954 году в Москве. Окончил МОПИ им. Крупской. После службы в армии работал учителем русского языка и литературы.

В 1980 году вышел его первый сборник стихотворений «Время бытия», а в 1981 году — книга «Разговор с другом». Широкую популярность писателю принесли повести «Сто дней до приказа» и «ЧП районного масштаба».

Ю.М. Поляков главный редактор «Литературной газеты», сопредседатель Международного Литфонда, член Русского Пен-клуба.

Лауреат многих литературных премий, в том числе и зарубежных. В 2005 году за сборник прозы «Небо падших» писателю присуждена Государственная премия в области литературы.

ПОВЕСТЬ

Перечитать старые письма или перебрать свой пыльный архив — лучший способ вспомнить достоверное прошлое и полнее понять его. Листая желтые страницы былого, ты словно возвращаешься в знакомый музей, где бывал в простодушном детстве, в доверчивой юности, когда еще не прочитал тома исследователей и не пережил бурные увлечения теориями, легко и до основания объясняющими наш мир. И вот теперь, стоя перед витриной с сияющими доспехами, ты уже не восхищаешься, как в отрочестве, блеском ратной брони, а по-взрослому грустишь о том, что даже дамасская сталь не способна уберечь от смерти хрупкую человеческую жизнь. Ее ничто не способно уберечь! Так случилось и со мной, когда я в канун 60-летия открыл коробки с давними моими рукописями, куда не заглядывал четверть века. Открыл, нашел свои стихотворные черновики, строгие редакционные отказы, первые сочувственные рецензии и вспомнил, как я был поэтом. Но вспомнил как-то иначе, по-другому, совсем по-другому...

1

Человека, который хоть недолго был поэтом, я узнаю с первого взгляда. И не важно, кем он стал после своей поэтической кончины — журналистом, прозаиком, политиком, инженером, бизнесменом, генералом, бомжем... Как заметил, кажется, Флобер: на дне души самого жалкого бухгалтера таятся обломки великого поэта. А все дело в том, что поэт — счастливый невольник слова. Он и в быту разговаривает совсем не так, как другие, — не просто обменивается информацией, а наслаждается, упивается рождением внезапного словесного смысла... Он кожей чувствует, что иной крошечный промежуток

между словами значит куда больше, нежели сами слова. Для него слово — это живая белка на великом древе, соединяющем землю и небеса. Для большинства же слово — это просто шапка, пошитая из мертвых беличьих шкур...

Написаны горы сочинений о пророческих способностях поэтов, об их умении предугадывать ход истории. Это действительно так, и пророческий дар объясняется, по-моему, именно особенным чувством живого слова. Ведь все события совершаются прежде в языке, в слове, а лишь потом в реальности. Советская цивилизация была разгромлена тогда, когда мы пустили в нашу речь такие словечки, как «совок», «коммуняки», «тоталитаризм»... Не случайно было широко подхвачено придуманное мной словечко «апофегей». Оно отразило то межуточное состояние общества, когда по-прежнему жить не хотят, а как надо — никто не знает, кроме либеральных ведунов — извечных двоечников нашей истории.

А в 92-м, как только появились в языке «прихватизация», «демокрады» и прочее, — стало ясно: вестернизация России если и не отменяется, то откладывается надолго. Помню, как, прочитав в «Труде» мой неологизм «соросята», мне позвонили из фонда Сороса и предложили в обмен на лояльность вояж по американским университетам. Я, конечно, отказался с гордостью человека, только что закончившего штопку последних штанов, но какова оперативность! Понимают мировые закулисники цену точному слову. Поэт благодаря особому дару улавливает языковую подготовку исторических сломов намного раньше остальных. «И гад морских подводный ход» — сказано Пушкиным именно об этом, а не о миграциях косяков атлантической сельди.

Поэт может молчать, но по тому, как загораются его глаза при удачном чьем-то слове, сразу понимаешь — кто он таков. Помню, в 86-м году я был с творческой, так сказать, миссией в Сирии и встречался с тамошними литераторами. В мою задачу входило проинформировать сирийскую писательскую общественность о том, как организовано литературное дело в тогдашнем СССР, а организовано оно было, если оставить за скобками мягкий, но твердый идеологический контроль, отлично. Мой рассказ о писательской жизни Страны Советов арабы слушали с неподвижными лицами, мерно перебирая четки. Некоторое оживление вызвали лишь сведения о тиражах «толстых» литературных журналов. Когда я сообщил, что тираж «Юности» три с половиной миллиона, они глянули на меня так, точно хотели сказать: «Хоть ты и гость, уважаемый, но врать все равно нехорошо...» В заключение переводчик Олег Бавыкин попросил меня прочитать хотя бы одно мое стихотворение. Я пожал плечами, посмотрел на эту невозмутимую бедуинскую аудиторию и продекламировал:

Война уже потеряна из вида.
И генералы — нефронтовики,
А все ж у мира, как у инвалида,
Болит ладонь потерянной руки...

Бавыкин перевел, как умел, — и вдруг эти равнодушные люди пустыни закивали, зацокали языками, заулыбались, запереглядывались, как заправские московские стихотворцы, оценившие удачную метафору коллеги за пивом в ЦДЛ. И я понял, что нахожусь среди поэтов. Мне даже показалось (стихотворцы тщеславны!), будто в гортанном клекоте мелькнуло словечко «гениально». Дело в том, что внутрицеховая оценочная шкала русских поэтов имеет только две отметки — «гениально» и «г...но».